

Я – мимо...
Беспечных, усталых, безумных – я мимо,
я мимо домов, где идет пантомима,
я мимо рисованных рощ и оврагов,
я мимо владений и мимо барачков –
туманом, дыханьем, дымком сигаретным
взлетаю туда, где ни зла, ни запретов!
Туда, где порвутся последние нити...
Но вы – дорогие – живите!
Живите!..

Записал Сергей Осташко

Марина Хлебникова

СТИХИ

* * *

Когда-нибудь, пройдя и Крым, и Рим,
по трещинкам судьбу сложу в ладони...
...На улице жгут листья. Теплый дым
в осеннем небе гасится и тонет.
И город вьется тысячью дымков –
как будто в мир иной перелетая,
душа земной оставила альков
и легкий дым по улицам сметает...
...Когда-нибудь, за день до холодов,
сгребу листву руками без перчаток,
и в разнобойных контурах листов
своей ладони встречу отпечаток,
и обращусь в отечественный дым,
и отлечу, не спрашивая визы...
Налево будет Крым, направо – Рим,
и оба вместе – позади и снизу...

* * *

Белый лист чист и гол,
Гол и чист белый стол.
Белый свет стар и сед,
Видел все белый свет.
Видел все белый лист –
Чист бывал и нечист,
Молчалив и речист –
Все стерпел белый лист.
Видел Ветхий Завет,
Видел кляуз букет,
Вязь бухгалтерских смет
И Шекспира сонет...
Тянет ноту кларнет,
А ответа все нет:
Мне садиться за стол?
Он пока чист и гол.
Что вписать в белый лист?
Он пока гол и чист...

* * *

Небичеванных, молодо-гордых,
Под тревожное ржанье подруг
Жеребят на коротеньких кордах
Объезжать выводили на круг.

Первый хлыст – и не боль – изумленье,
Вера в руку, творящую зло,
Но на третьем сгибает колени
Вороной – он готов под седло.

Круг за кругом – измученной тенью,
Клочья пены роняя с боков...
И Гнедой, замечтавшись о сене,
Принимает своих седоков...

День к закату – последний на корде,
Хлыст звенит, как натянутый лук!
Это Рыжий несется по хорде,
Вырывая веревки из рук!

Бросьте хлыст – он не станет послушной!
Хоть с откоса – но сам, без петли!
Рыжий ветер, надежда конюшни,
Золотая веснушка земли!

* * *

Вечерний бриз причесывает скверы,
Дневные раны лечит терпким йодом,
Вечерний бриз – всего лишь полумера:
В июльской топке краткосрочный отдых.

Вечерний бриз петляет по бульварам,
На стенах сушит легкие ладони,
Следы сметает с пыльных тротуаров
И влажно мой целует подоконник.

Вечерний бриз не свищет и не злится,
Течет водой прохладной из баклаги,
И будто бы боясь навек проститься,
Строкою замирает на бумаге...

* * *

Ну, что мне поля – горожанке в шестом поколеньи?
Ну, что мне дрозды, если путаю их с соловьем?
К мощеному плену привыкнув еще до рожденья,
на мир я смотрю сквозь привычный оконный проем.

В деревне я – гость, ошалевший от запахов леса,
от трав, петухов, необычно густой тишины,

от ягодных мест и от хлеба ручного замеса,
и свежих ветров, уносящих печные дымы...

Прости мне, деревня! Приемлю любые резоны:
начало, источник, основа, целебный родник!..
Но я – Робинзон. И, как всяческие робинзоны,
я паруса жду – каждый день, каждый час, каждый миг!

Сыну

Хочешь, я все придумаю:
беседку в лиловых сумерках,
сосну в золотых фонариках
и дом из воздушных шариков?..
Придумаю, хочешь, зиму?
Летит она мимо, мимо –
вдоль улиц пустынно-тихих
в хрустальной неразберихе...
На крышу взберусь по лестнице
и солнце поймаю зеркальцем,
свяжу золотые лучики –
и желтый гамак получится.
Гамак привяжу под радугой –
хоть капельку, хоть ненадолго –
но мы с тобой летаем,
а после – пускай растает...
И пусть будет все неправильно,
навывортно, несправедно,
придуманно – не украдено!
Ведь сказка – начало праздника!
В ней звезды звенят в бубенчики,
и выдумкой все повенчаны...

Спи, мальчик, на лоб твой дуну я
и сон до конца додумаю...

* * *

Почему не степнячке-скифянке,
вольной дочери вольного рода,
а степенной посадской славянке
посмуглила ты кожу, природа?

И в каком стародавнем колене,
на каком обороте земли
положила раскосые тени
на славянские скулы мои?

Где сплелись? На каком пепелище
две любви напоили коней?
Срез земли, обнажив корневища,
не распутает тайны корней...

Да и надо ли корни тревожить?
Давний след затерялся в пыли...
Я славянка со смуглою кожей.
Я – землянка с корнями земли...

* * *

Опять крылом взметнулся парус,
опять все сказаны слова,
и выпела веселый гарус
опять ласкает синева...
Отжатый линией прибоя,
ты даже в мыслях не со мной:
азартно ждешь начала боя,
а я прошу быть легким бой!..
Я постою еще немного
и посмотрю на хрупкий след –
твоя любовь, твоя дорога,
а мне туда дороги нет!
Мы в духе времени, ты видишь,

но все же чуть тревожно мне:
твои дела – дела твои лишь.
Мои дела – мои вполне...
Мне не смешно, но рот смеется –
в дороге горечь не нужна,
и я желаю, как ведется,
семь футов под килём до дна!
Тебе гадают ветер свежий,
как в сказке о Златом руне...
Да поведет тебя надежда!..
А что ты пожелаешь мне?..

* * *

И ветер сорвался...
И снова глухая тоска
наполнила парус
причудливых детских фантазий...
Когда-то – Бог весть! –
на пустом Каролино-Бугазе
короткие волны
по отмелям шли до песка,
свивались в ажурные гребни,
ложились у ног,
мое бормотанье,
шурша,
относили обратно,
ломаю черту, оставляли неровные пятна,
на миг остужая холодный зернистый песок.
То эллинский бог забавлялся –
из многих забав
он выбрал одну:
отбежать – подождать – и в погоню...
У Черного моря
до дрожи, до скуки устав,
я жду десять лет...
Но тебя даже свет не догонит.

* * *

Я твой колоколец-бубенец,
отзовусь на каждое касанье,
разгоняя утренний свинец,
золотыми звякну волосами,

пропою короткое: «Пора!» –
не влагая горестного смысла,
в то, что мы дожили до утра
и совсем изжили наши числа...

Пять минут судьбы – к лицу лицом,
пяти минут судьбы – но телом к телу!..
Золотым залетным бубенцом
по твоей душе я пролетела,

но – кто знает? – может, над крыльцом
в доме, где и так всего в избытке,
я когда-то стану бубенцом
певчим наваждением на нитке...

* * *

Давай покурим или посвистим,
заполним как-то паузу...
Хотела...
хотела бы сказать – меж поцелуев!..
Но это будет первая неправда,
а мы с тобою, в общем, не вруны...
Давай заполним паузу в молчаньи,
попробуем хотя бы на секунду
соприкоснуться голосом,
а вдруг
мир обретет – и мы разбогатеет –
какой-то небывалый инструмент,
не струнный, не ударный и не медный,
созвучный только Божьему старанью
увидеть в нас хоть капельку добра...

...Пора, мой друг, я чувствую – пора!..
Подай же мне хоть слово,
Спутник бедный!..

* * *

Мое поколение,
рожденное и созревшее
от потепления,
до потепления,
упавшее не орлами,
а решками,
и невостребованное временем,
закрывшее брешь
между шестидесятыми
и восьмидесятыми,
рассыпанное на инертные атомы,
молчаливое – хоть режь,
не ломаное, но мягкое,
несъедобное,
но склонное к самосъедению,
самокопанию,
самоубийству,
мое поколение,
бегущее от идолищ и мекк,
мое поколение,
замыкающее двадцатый век,
сегодня пробует голос
хриплый и мятый,
как слежавшееся белье,
запоздалый от долгого
неупотребления...
МОЕ поколение,
только МОЕ,
да станешь ты гумусом
ВОСКРЕСЕНИЯ!

Рисунки Геннадия Гармидера